

Одновременность и линейность под воздействием средств коммуникации

Терин Валерий Павлович, доктор социологических наук, кандидат философских наук
Московский институт (университета) международных отношений МИД России, г. Москва

***Аннотация.** В статье рассматривается роль средств коммуникации, как они формируются в истории человечества вплоть до наших дней, и возможности личного и общественного действия, как они оформляются в этой связи. В этой связи речь идет об обеспечении приоритета принципа одновременности в познании как первоочередной проблеме дальнейшего развития науки и образования*

***Ключевые слова:** режим восприятия и мышления; средства коммуникации; электронное общество; наука; образование; интерактивность; непосредственная вовлеченность в действие; средства познания.*

Simultaneity and lineality under the spell of communication media

Terin Valery Pavlovich, PhD in Philosophy, Professor of the Philosophy Department
Moscow State Institute (University) of International Relations, Moscow

***Abstract.** The paper deals with the options of human action as they have been revealing themselves throughout human history depending on the nature of human relations in terms of their communication media impact. In this connection, the problem of introducing and maintaining the priority of the simultaneity principle in research and education steps forward as being of primary importance.*

***Keywords:** modes of perception and thinking; media of communication; electronic society; interactivity; involvement; detachment; research; education.*

— Я люблю одновременно читать и слушать музыку.

— А я, когда готовлюсь к экзамену, тоже слушаю музыку, но только классическую.

(Из разговора с двумя студентками.)

Да, такое бывает. Вот и недавно в одной передаче на московском образовательном телеканале советовали учить английский язык под музыку и рассуждали о том, какая музыка подходит лучше. Когда же я сказал, что в этом случае лучше, наверное, обойтись без музыки, то только один из участников передачи со мной согласился.

Два режима восприятия и мышления

Бывает, конечно, по-разному. Обычно считается, что лучше сначала делать одно, а потом другое. На практике нередко бывает иначе. Достаточно зайти в парикмахерскую, где вы услышите, что там обслуживают клиентов под звуки радио. В общественном транспорте пассажиры вынуждены выслушивать множество повторяющихся объявлений. При этом они могут, конечно, думать о своем, читать, рассматривать что-нибудь на своих мобильных устройствах связи. Но эти объявления всё равно поступают в их головы, чтобы остаться там на всю жизнь.

В личном транспорте человек за рулем нередко тоже делает сразу несколько дел (говорит по сотовой связи или с сидящим рядом соседом, слушает радио и т. д.). В руководстве по эксплуатации некоторых марок автомобилей уже давно стали предупреждать в этой связи, слушая радио, не усиливать силу звука, поскольку к уровню звука люди привыкают, и им начинает казаться, что звук слишком слабый и его надо усилить, — что они время от времени и делают, а в результате можно — пусть даже в небольшой степени — потерять слух.

Людей, одновременно делающих несколько дел, можно увидеть часто. Вот я еду в автобусе. Он оста-

навливается на красный свет, и пешеходы начинают переходить улицу. Идет девушка. Считаю, сколько вещей она делает сразу. Переходит улицу, конечно. Это раз. Что-то говорит своему знакомому. Это два. Разговаривает по сотовому телефону. Это три. А еще при этом люди могут курить, жевать резинку, сосредоточенно думать о чем-нибудь своем, обращать внимание на то, что происходит на улице, слушать музыку.

В Австрии судья, узнав, что пешеход, которого сбила машина, не только переходил улицу в неподобающем месте, но к тому же еще слушал через наушники музыку, сразу принял решение в пользу водителя. Основание: при переходе улицы пространство музыки для пешехода было важнее.

Добавим, что на лекциях и семинарах студенты нередко работают на компьютере, разговаривают друг с другом или делают задания по другим предметам, толком не усваивая предлагаемую преподавателем информацию, — что впоследствии может выразиться в их претензиях к нему как к человеку, якобы непонятно объясняющему свой материал.

Вот по улице навстречу мне быстро идет пара. У нее, и у него в руке по бутылке воды, и время от времени они одновременно делают по глотку, — и это, не взирая на риск оступиться и упасть, сломать себе зубы, да заодно проглотить кусок стекла. И вот как-то раз на семинаре одна студентка, как бы подтверждая наступивший триумф одновременности в восприятии и мышлении, встала и, воздев к потолку руку, воскликнула: «Наше поколение завоевало право пить пиво на улице!». Да, раньше так делать было как-то непринято.

Делать несколько вещей сразу для множества людей стало привычным с распространением электронных средств коммуникации. Дело в том, что в электронно-коммуникационном окружении на первый план выходит одновременность восприятия и

мышления. Уже при взгляде на рабочий стол компьютера человек видит все находящиеся там иконки сразу и потому может начинать с любой. То же и в интернете, где веб-страница предлагает своим посетителям на выбор сразу несколько действий. Неудивительно, что в электронно-коммуникационном пространстве люди привыкают к одновременности восприятия, мышления как к норме. В силу этого они начинают проецировать это отношение на понимание окружающего мира, да и своей жизни в целом. Привыкла так делать, по-видимому, и студентка, провозгласившая питье пива на улице выдающимся достижением своего поколения.

В голове каждого человека одновременность и линейность действуют как два режима восприятия и мышления. Мы не способны начинать сразу с двух, и для начала должны выбирать поэтому тот или другой. Выбор мы этот делаем как неосознанно, так и сознательно. Ошибки бывают, конечно, и в том, и в другом случае.

Речь не о том, какой из режимов лучше. Ответ на этот вопрос зависит от обстоятельств. Поэтому для начала лучше понять, что представляют собой эти режимы сами по себе.

Действие линейности и одновременности показать легко. Так, при ходьбе каждый человек как бы рисует линию своего движения ногами, выстраивая ее по отношению к себе как центру движения. Без этого «рисования» в нужное место не попадешь.

Режим линейности направляет внимание каждого на понимание предмета как совокупности его признаков или сторон, упорядочиваемых однообразно и последовательно, что требует достаточно длительного времени. Первоочередная задача работы сознания в режиме одновременности — как можно скорее (сразу, мгновенно) определить воспринимаемый предмет в целом. Поскольку сделать это без ошибки бывает нелегко, особое значение приобретает опора на других людей как корреляция своего понимания с теми, кто, находясь в том же положении, должен думать так же.

Линейная последовательность, или линейность, в мышлении и действии была совершенно необходима уже нашим древним предкам (например, при создании орудий труда, сооружении жилища, приготовлении пищи, во время кочевков или охоты). Тем не менее, одновременность как единообразная реакция на происходящее не могла не играть для них ведущей роли, поскольку для выживания им были совершенно необходимы сплоченность, солидарность, организованное единство действий. Так, при встрече с другими человеческими общностями люди должны были для начала как можно скорее и точнее определить свое отношение к ним в целом уже потому, что промедление могло быть для них смерти подобно.

Незнакомцы, как это показал Б. Ф. Поршнев в своей книге «Социальная психология и история» [1], прежде всего воспринимались любой общностью как «они», противопоставляя себя которым, ее члены понимали самих себя в целом как «мы». Эта внешняя по отношению к ним группа не могла не пониматься, далее, как «чужая» — в отличие от самих себя как «своих». «Свои» же, соответственно, должны были пониматься как в общем и целом «хоро-

шие», а неизвестные и, возможно, несущие угрозу их существованию «чужие» — как «плохие». И все эти определения действовали в головах своих владельцев вместе и сразу.

У множества людей, пользующихся электронными коммуникациями, одновременность в восприятии и мышлении, став преобладающей, не может не выражаться в их суждениях и действиях. В результате такие люди могут довольствоваться отмеченной выше триадой как главной для понимания происходящего, когда в результате их ресурс линейно-последовательно доказательного понимания того, что с ними происходит, по существу, отбрасывается. В результате они могут устойчиво представлять себе свое реальное положение слишком упрощенно. При всем при том, следует, тем не менее, иметь в виду, что с выходом принципа одновременности восприятия и мышления на ведущее место стали создаваться способы понимания действительности, по результативности намного превосходящие прежние. В этой связи не может не возникнуть вопрос об овладении ими не только в науке, но и в образовании.

Что же касается линейности восприятия и мышления, она предполагает, что каждый человек должен выстраивать последовательность своих действий, начиная с себя самого как их исходного и направляющего центра. Это требует от него достаточной силы воли. Одновременность же как единообразная реакция человеческой общности на свое окружение — что необходимо для обеспечения единства действий людей, ее составляющих, — воспринимается каждым в первую очередь как то, что требует выражающее эту общность «мы».

В этой связи понятно, почему мифология была основным методом мышления родовой общины. «Это — тот первобытный коллективизм, — отмечает А. Ф. Лосев, — где вся не только экономическая, но и политическая, и военная жизнь общества определяется *только самой же общиной*... И когда возникал вопрос о природе или мире в целом, то и в этой, чисто объективной области тоже не находили ничего иного, кроме родственных отношений, то есть кроме отношений родителей и детей, братьев и сестер, дедов и внуков, предков и потомков. Решительно все на свете: и солнце, и луна, и звезды, вплоть до неорганической и неодушевленной природы, — все это понималось как всеобщая родовая община. И поскольку такое всеобщее одушевление жизненно-родственных элементов есть признак мифологического сознания, то необходимо считать, что основной метод общинно-родового мышления — это *мифология*» [2, 6]. При создании письменности принцип одновременности восприятия и мышления должен был проявить себя в качестве привычно ведущего. В результате появились формы письменности (та же иероглифика), когда значение каждого знака определяется в единстве составляющих его единиц по принципу «фигура/фон».

Каждая такая единица, будучи предметом непосредственного внимания (а такой предмет и получил в исследованиях название «фигура»), выявляет свое значение, соотносясь со всеми другими, также остающимися в поле зрения, но непосредственно не ак-

центрируемыми, то есть относясь к ним как к необходимому для ее существования совокупному «фону».

В этом случае одновременность восприятия и мышления представляет собой, таким образом, обновляющееся соотношение «фигура/фон» — в отличие от работы сознания в режиме линейности, когда предмет берется сам по себе, без какого бы то ни было фона.

Это известно каждому школьнику из геометрии Евклида с ее прямоугольниками, треугольниками и кругами, взятыми как таковыми. Но для того, чтобы это стало само собой разумеющимся, должны были пройти тысячелетия, прежде чем в античности был создан алфавит — письменность, каждый знак которой обозначает всего лишь звук, взятый сам по себе, — и ничего больше. А это, тем самым, означало совершенно необычную, невиданную ранее нигде вещь: алфавит — это форма письменности, знаки которой берутся как таковые, в чистом виде, то есть в качестве фигур, не нуждающихся в фоне.

Даже финикийский алфавит, использованный для формирования греческого алфавита, имел фон, хотя и в скрытом виде: поскольку в этом алфавите были только согласные, то это означало, что те, кто им пользовался, для правильного понимания текста должны были сами вставлять отсутствовавшие гласные. А это предполагало их общий, разделяемый ими жизненный опыт, который и выступал для них в качестве пусть в тексте непосредственно не данного, но, тем не менее, общезначимого фона.

Гласные добавили создатели греческого алфавита, что сразу устранило необходимость в каком-либо фоне (об этом см. [3]).

Человеку, для которого при чтении и письме фон является нормой, необходимо себя с ним соотносить, чтобы ему соответствовать. Отсутствие фона означает, что таких задач просто не возникает, и в этом случае каждый пишущий и читающий — хочет он того или нет — привычно остается наедине с собой, со своими мыслями.

Итак, использование греческого алфавита ставило перед каждым человеком задачу работать самостоятельно, отправляясь от самого себя, от своих личных интересов, и в этом смысле такой человек не мог не чувствовать себя вольным делать всё, что хочет. Появление алфавита как бы преднамеренно было рассчитано на то, чтобы быть технологией самостоятельного мышления и действия, поскольку пользующиеся им работали на своем, подконтрольном лично себе пространстве. В результате для грамотных людей античности — пусть и не сразу! — должна была становиться привычной и даже само собой разумеющейся задача рассуждать, исходя из самих себя, из своей «точки зрения», а значит и относиться к самостоятельному построению суждений каждым из них как к делу само собой разумеющемуся. На этой основе формировалось и понимание самостоятельного мышления как совокупности суждений, которые каждым должны выстраиваться по отношению к себе линейно и последовательно.

Со временем не мог не напрашиваться вывод, что в достаточно развитом виде такие суждения следует строить не только линейно-последовательно (как строчки, которые взаимосвязано появляются на чи-

стом листе бумаги одна за другой), но и достаточно доказательно, логично. В результате логика утверждалась как инстанция управления и контроля хода и качества мысли, что, в свою очередь, должно было приводить к вопросам о природе самой логики как целенаправленного формирования понимания предмета мышления самого по себе, о необходимых для этого формах мышления, как и о том, что им соответствует во внешнем мире.

Отсюда понятно, почему философия как таковая, как обособившаяся от других область духовного производства, появляется и развивается именно в античности (об исторически ограниченной самостоятельности античного типа человека см. в упомянутой книге А. Ф. Лосева; в первую очередь об этом там идет речь в разделе о рабовладельческом обществе как результате разделения общественного производства человеческой жизни на «духовное» и «материальное»).

Итак, для каждого из грамотных людей античности как нового типа человека — при всей их огромной зависимости от своего непосредственного окружения и от своего общества в целом (а первоначально это был небольшой город-государство, или полис) — становилось естественным относиться к желательному для него результату как к продукту его собственной, отдельной от других, индивидуальной деятельности (индивид — от слова «individuum», то есть «неделимый», появившегося в латинском языке как перевод греческого «атом», которым в философии античности обозначали произвольно перемещавшуюся и саму по себе неделимую частицу, исходную для формирования бытия). Это обстоятельство противопоставляло «Я» каждого из таких людей их традиционному, казалось бы, такому непоколебимому «мы» с его неумолимыми предписаниями сверхличной лояльности. С распространением грамотности индивидуализация не могла не принимать всё большее значение, и в результате всё более развивалось противопоставление привычного, укорененного в мифологии «мы» потребностям обеспечения деятельности человека, опиравшегося на развитие своих личных ресурсов.

В жизни побеждает сильнейший (иначе не бывает), и те, кто олицетворял традиционалистское «мы», — а оно тем самым оказывалось под угрозой — не могли не вступать в борьбу с людьми нового типа.

Показательно в этом отношении слово «идиот» («человек сам по себе»; английский перевод — «a very private person»). Этим неологизмом традиционалисты стали называть человека, не только отъединившегося от них как общности, но и полагавшего, что так делать и надо. Неудивительно, что идиотами, или «философствующими», они стали презрительно называть первых философов — с их стремлением работать обособленно, в тиши, подальше от людных мест. Да ведь и слова-то у этих «идиотов» были какие-то непонятные — и прежде всего какая-то там «философия», какая-то «любовь к мудрости», требующая от человека неустанной самостоятельной работы над собой.

А затем положение изменилось с точностью до наоборот. Новый тип мышления, который создавали философы, доказывал свое превосходство над мифо-

логизаторством и традиционализмом. Среди его сторонников появились влиятельные политики, такие как Перикл (около 490 — 429 до н. э.), возглавлявший Афинское государство в период его наибольшего могущества (443—429 гг. до н. э.), и произошла инверсия: уничижительным словом «идиоты» стали называть именно тех, кто им первоначально пользовался (об инверсии см. [4])

О своеобразии европейского сознания как формы самостоятельного мышления

Европейский человек сформировался во многом на основе того, что сумел извлечь из античности. В этой связи даже стали говорить, что он, как и европейская культура вообще, стал продолжением античности.

Это действительно так хотя бы в том смысле, что в Европе посредством алфавита с его требованием самостоятельного мышления из века в век утверждались и оформлялись в качестве основных принципов мышления как линейная последовательность и логичность, так и предполагаемая ими индивидуализация. Это имело место, главным образом, в сознании грамотных, социально и духовно господствовавших, наиболее активных слоев населения, в том числе и представителей духовного сословия.

Тем не менее, следует иметь в виду, по крайней мере, одно существенное обстоятельство. Дело в том, что в понимании всех причин, как они были известны людям античности, главная роль уделялась их совместному действию, а это, в соответствии с античностью в целом (с ее мифологией как ведущим типом мышления), предполагало, тем самым, ведущую роль одновременности, как того и требовали принципы сплоченности и единства, необходимые для выживания.

Что касается европейского человека, то на ведущее место в его сознании вышло понимание причинности как, главным образом, внешней движущей силы (*causa efficiens*), а значит, и как усилий, которые каждый должен прилагать по отношению к тому или иному предмету для достижений собственных целей. Иначе говоря, в европейском сознании с всё основательнее укоренявшимся в нем индивидуализмом понимание причинности всё больше предполагало, что каждый должен строить свои действия, начиная от себя самого, а это уже само по себе отводило обеспечению одновременности действия подчиненную роль.

Именно поэтому в Европе так пришелся ко двору типографский станок, изобретенный к середине XV-го века немецким ремесленником Иоганном Гутенбергом (еще при жизни Гутенберга его изобретение распространилось во всех более или менее крупных городах Европы): как это и предполагается книгой, изготавливаемой типографским способом, каждый человек должен читать, а значит и понимать, ее самостоятельно, уже в силу этого развивая свое мышление как свое собственное. В этом случае читатель, уже стремясь к тому, чтобы ему не мешали, должен отделять себя от других.

За исторически короткое время режим линейной последовательности восприятия и мышления, требующий индивидуализации, становился в Европе привычным для всё большего числа людей. Его выдаю-

щее значение проявлялось в доминирующем влиянии, по выражению М. Маклуэна, «типографского человека» как человека, для которого стало привычным читать книги, изготовленные так, чтобы каждый мог читать их самостоятельно. Для такого человека, с привычным для него вниманием к своим достижениям как результату собственных усилий, становилась само собой разумеющейся производственной специализация как ведущее средство развития общественного производства. Такой же самостоятельности требовало от него и усиление роли рыночных отношений. В Европе всё большую роль играли поэтому представления, согласно которым каждый человек должен не только относиться к себе как к центру своего бытия, но и понимать при этом, что на то же, в принципе, имеют право и аналогичные ему другие. В качестве ведущей формировалась новая историческая общность людей, понимавших себя главным образом как индивидов.

И раз эти люди понимали себя таким образом, для них становилась естественной необходимостью образования единого централизованного государства, которое должным образом представляло бы интересы каждого. Распространялось убеждение в необходимости государства как воплощения публично оформляемого и осуществляемого договора людей, действующих на основе своих частных интересов.

Поскольку же книги печатались на языке, который должен был быть понятным всем читателям, неудивительно, что этот язык читатели стали принимать за общую норму. Они всё больше и говорили на нем, замещая им свои местные диалекты и обнаруживая, тем самым, что это язык становления их общности как нации, к которой сами они, следовательно, принадлежат и должны принадлежать. И когда речь шла о необходимости формирования единого централизованного государства как государства людей, действовавших на основе своих частных интересов, то оно, соответственно, и должно было представляться ими в виде национального государства.

О так называемом типографском человеке

Книга, производимая в типографии, явилась, в принципе, общедоступным средством для формирования самостоятельного мышления. Ведь типографским способом можно распечатывать любой текст в любом количестве экземпляров, а, как предполагается, читать его должен каждый самостоятельно.

В действительности же тиражи типографских изданий всегда ограничены условиями места и времени. Тем не менее, уже в эпоху Европейского Возрождения (Ренессанса) появились люди, обратившие особое внимание на потенциал типографской техники, и стали появляться мысли о возможности и даже необходимости всеобщей грамотности. Рассуждения о реализации этого потенциала приводили, в свою очередь, к мысли о необходимости социального равенства, в принципе, для всех, а, следовательно, и устранения государства как системы организованного насилия, возвышавшейся над человеком и обществом.

Если Томас Мор, изображая в своей впервые опубликованной в 1516 г. «Утопии» наилучшее об-

ественное устройство, ещё оставляет рабство для исполнения самых тяжелых и непривлекательных работ, то столетием позже (в 1620 г.) другой англичанин, деятель Позднего Возрождения Фрэнсис Бэкон уже исходит из необходимости уничтожения эксплуатации человека человеком как построения общественного строя, предполагающего в качестве вещи само собой разумеющейся интерактивную связь всех со всеми. В своем основополагающем труде «Новый Органон» Бэкон пишет:

О самих себе мы молчим; но для предмета, о котором идет речь, мы хотим, чтобы люди считали его не мнением, а делом; и были уверены в том, что здесь полагаются основания не какой-либо секты или теории, а пользы и достоинства человеческого. Затем, чтобы они... сообща пеклись о своем преуспевании и... приняли и сами участие в тех трудах, которые еще предстоят. Наконец, чтобы они прониклись доброй надеждой и не представляли в своем уме и воображении наше восстановление чем-то бесконечным и превышающим силы смертных, тогда как на самом деле оно есть законный конец и предел бесконечного блуждания [5, 71].

С Фрэнсисом Бэконом солидаризировался великий Иммануил Кант, поместив это высказывание в качестве эпиграфа (то есть как флаг!) к своей знаменитой «Критике чистого разума».

В электронном обществе с его вездесущим упором на одновременность для самостоятельного мышления каждого, казалось бы, остается всё меньше места. Но дело в том, что уже сейчас технологии электронных коммуникаций позволяют всё большему множеству людей самостоятельно и непосредственно, заинтересованно и интерактивно участвовать в планетарно значимых действиях, действуя в общезначимых человеческих интересах (формирующийся при этом тип мышления М. Маклуэн называл «экологическим мышлением» как мышлением о

нашем общем доме, которым и является для всех людей планета Земля). А это — в отличие от доэлектронной эпохи — требует не только усиления или даже принципиально нового открытия роли логически выверенной линейной последовательности в связи с созданием и распространением средств познания в режиме одновременности.

Поэтому следовало бы поднять тех же студентолюбительниц во время работы включать музыку с уровня мнения на уровень знания, имея в виду рассуждение Канта о мнении, вере и знании как трех ступенях в формировании убежденности человека в том, что он говорит истину, согласно которому мнение — это хотя и признание чего-то истинным, но в действительности оно до истины не дотягивает как субъективно, так и объективно, вера же как суждение имеет достаточное основание истинности с субъективной стороны, но недостаточно обоснованно по признаку объективности, и, наконец, знание означает доказательное признание истинности суждения достаточным как субъективно, так и объективно [6].

В наши дни, когда с запуском Спутника планета приобрела статус Космического корабля Земля (Б. Фуллер), связь на котором для всех должна стать мгновенной, одновременность восприятия и мышления реализует себя не только в мифологизации действительности (как бы уподобляя ее далекому прошлому), но и в создании всё более мощных средств доказательного понимания происходящего, что предполагает их всё более основательное внедрение и распространение в науке и образовании.

Невозможность для нас начинать с одновременности и линейности как режимов восприятия и мышления сразу означает, что середины здесь нет. Или образование и наука будут следовать приоритетам восходящего развития электронной эпохи или ... То, что должно происходить в этом случае, доступно для понимания каждого.

Литература:

1. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история (2-е изд., доп. и испр.). — М.: Наука, 1979.
2. Лосев А. Ф. История античной философии. М.: Наука, 1989.
3. Греческий алфавит / https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B0%D0%BB%D1%84%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82
4. Терин В. П. Инверсия как реактивный тип общественного развития / http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=332&Itemid=35
5. Бэкон Ф. Новый Органон. // Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. I. М.: Мысль, 1971.
6. Кант И. Сочинения в шести томах, М.: Мысль, 1964, Т. 3, с. 673.